

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343.98

А.С. Князьков

ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА КАК ЭЛЕМЕНТ ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Рассматриваются актуальные вопросы поисково-познавательной деятельности субъектов предварительного расследования, а также иных должностных лиц, осуществляющих доказывание по уголовному делу. Анализу подвергаются различные аспекты указанной деятельности и на его основе называются различные по своему значению тактические задачи и связанные с ними тактико-криминалистические средства.

Ключевые слова: поисково-познавательная деятельность, общая тактическая задача, частная (обеспечительная) тактическая задача, тактическое решение, тактико-криминалистические средства.

Вопрос о применении тактических средств исследования обстоятельств, связанных с совершением преступления, предполагает анализ сложившихся в криминалистической науке положений о следственной ситуации и тактической задаче, в частности о характере взаимосвязи между ними. Изучение этого вопроса следует проводить с учетом того, что реализация тактической задачи предполагает принятие тактического решения, ядро которого составляет выбор тактико-криминалистических средств, применение которых способно решить эту задачу.

Многообразие взглядов на понятие, систему и структуру криминалистической тактики позволяет рассматривать тактическую задачу в том или ином контексте. Прежде всего, нужно отметить отсутствие общепризнанного определения тактической задачи, а главное – пределов охвата данным понятием различных обстоятельств. Показательным в этом плане является исследование, касающееся понимания практическими работниками тех или иных тактико-криминалистических категорий: наибольшее значение ошибочного ответа определилось в отношении тактической задачи (55% опрошенных сотрудников следствия и дознания дали неверные ответы); для сравнения: в отношении следственной ситуации таких ответов было 7%, а тактической комбинации (операции) – 14%. Характерно и другое: следующая величина ошибочных ответов (после ответов на понимание тактической задачи) была связана с пониманием должностными лицами тактического решения [1. С. 333], что неудивительно ввиду тесной логической связи тактической задачи и тактического решения.

По нашему мнению, исходным пунктом в исследовании категории «тактическая задача» должно быть положение о том, что в самом общем виде она есть «...обусловленная ситуационным фактором необходимость использова-

ния сложившихся или создания благоприятных для дальнейшего расследования условий криминалистической деятельности путем оказания тактического правомерного воздействия на тот или иной объект» [2. С. 336]. Несомненным достоинством указанной научной позиции является ориентирование правоприменителя на необходимость учета сформировавшейся следственной ситуации как основы тактической задачи: именно тщательный анализ следственной ситуации является предпосылкой выбора эффективного тактического воздействия, т.е. перехода возможности (необходимости) оптимизации сложившейся обстановки расследования в действительность – в реальное её улучшение. По этой причине правы те авторы [3. С. 176], которые критически оценивают отнесение тактической задачи к числу элементов следственной ситуации.

В приведенном понимании тактической задачи заключено два конструкта: первый из них нацеливает следователя на распознавание благоприятности той или иной следственной ситуации, а второй – требует правомерного тактического воздействия. Несмотря на точность характеристики тактической задачи как категории криминалистической тактики, за скобками остается вопрос о конкретном познавательном результате, заключающемся в исследовании прежде всего преступления. Выведение за рамки тактической задачи того или иного конкретно-структурированного познавательного результата не позволяет дать точную оценку следственной ситуации в той или иной части, поскольку благоприятность либо неблагоприятность следственной ситуации существует не вообще, а применительно к определенному (требуемому) результату, например преодоление оказываемого следствию противодействия. В конечном счете общий результат – тщательное, всестороннее и объективное расследование преступления – предопределен успешностью достижения отдельных результатов. С другой стороны, перечисление подлежащих разрешению вопросов и необходимых для этого средств, например круга обстоятельств, участников следственного действия, времени и места его проведения, необходимых технических средств, конкретной тактики его проведения [4. С. 460], само по себе не приближает исследователя к выяснению сущности тактической задачи.

В понимании отдельными авторами направленности тактической задачи довольно очевидно суждение о некой главной, генерализированной тактической задаче – криминалистической задаче, стоящей на всех этапах предварительного расследования. Так, например, отмечается, что тактическая задача актуализируется самим характером уголовно-процессуальной деятельности, необходимостью установления обстоятельств, круг которых образует предмет доказывания [5. С. 138; 6. С. 49]. В литературе подчас однозначно указывается, что под тактическими задачами нужно понимать задачи выяснения вопросов, входящих в предмет доказывания [7. С. 156–157]. Разумеется, такой подход, если его рассматривать с позиций тесной взаимосвязи уголовного процесса и криминалистики, в определенной степени продуктивен, однако он лишь в общих чертах отражает структуру криминалистической познавательной деятельности.

В предлагаемой А.Ю. Головиным классификации тактических задач по их содержанию такое классификационное основание, как следственная си-

туация, также представлено в генерализированном виде: соответственно все тактические задачи делятся на задачу изменения сложившейся следственной ситуации и задачу использования сложившейся следственной ситуации по делу [1. С. 260]. Названный подход в сжатом виде повторяет классификацию, в основу которой положены те или иные общие тактические решения, опосредованные следственной ситуацией. Так, например, Р.С. Белкин отмечает, что сообразно следственной ситуации тактические решения могут быть трех видов: «...а) преследующих цель изменения ситуации в благоприятную для расследования сторону; б) направленные на максимально эффективное использование следственной ситуации неблагоприятного характера; в) использующие благоприятную ситуацию» [8. С. 5].

Стоит сказать, что принятое подразделение тактических задач является в определенной мере относительным, поскольку, как верно отмечают некоторые авторы, следственная ситуация в ходе расследования постоянно трансформируется в направлении её оптимизации [9. С. 141–142; 10. С. 78]; вопрос лишь в том, что в первом случае возникает необходимость в производстве предварительных действий, позволяющих затем применить требуемые тактико-криминалистические средства для оптимизации общей следственной ситуации.

В подтверждение взгляда о том, что тактическая задача чаще всего понимается как конечный результат уголовно-процессуальной деятельности, априори предполагающий задействование тактико-криминалистических средств, можно привести такие называемые некоторыми авторами задачи, как установление несостоятельности выводов, изложенных в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, разграничение признаков субъективной стороны расследуемого преступления и признаков гражданско-правового нарушения и др. [11. С. 16]. Таким образом, тактическая задача в указанном значении носит внешний по отношению к криминалистическому исследованию структуры преступного события и личности преступника характер и отражает лишь необходимость совершения действий, направленных в целом на раскрытие и расследование преступлений. Видимо, не случайно Е.Е. Центров, характеризуя тактическую задачу «Доказывание виновности (невиновности) обвиняемого», замечает, что доказывание виновности происходит в процессе всего расследования и что выделение данной задачи в отдельную имеет несколько условный характер [12. С. 403].

Таким образом, о генерализированной тактической задаче можно говорить в том смысле, что конечный результат досудебного производства – прекращение уголовного дела либо составление обвинительного заключения (обвинительного акта) и направление уголовного дела прокурору – возможен лишь благодаря тактической деятельности субъекта предварительного расследования. К сожалению, рамки исследования не позволяют провести анализ соотношения названной тактической задачи со стратегической задачей¹,

¹ Представляется, что разделение задач на тактические и методические (стратегические) в определенной мере носит условный характер. Так, И.М. Комаров, подразделяя криминалистические операции по значимости решаемых задач (достижимых целей) на тактические и методические, относит к первой операцию «Собирание, исследование и оценка косвенных доказательств причастности лица к преступлению», ко второй – операцию «Розыск и задержание военнослужащего, самовольно оста-

рассмотрение которой целесообразно осуществлять в рамках такой части науки, как криминалистическая методика, а по мнению некоторых авторов – и за её пределами¹.

Выделение генерализированной тактической задачи, на наш взгляд, имеет несомненное методологическое значение, поскольку позволяет, во-первых, указать на необходимость связи категорий «следственная ситуация» и «тактическая задача», во-вторых, подчеркнуть направленность тактической деятельности субъекта предварительного расследования на доказывание круга обстоятельств, названных в ст. 73 УПК РФ. Однако если в первом случае сложно перейти к вопросу о выборе конкретных тактико-криминалистических средств, прежде всего предназначенных для исследования объектов, содержащих доказательственную информацию, то во втором случае существует возможность произвольного либо непроизвольного отождествления уголовно-процессуальных и тактических положений. К примеру, некоторые авторы ведут речь о двух группах тактических задач: тактические задачи *процессуального* характера (задачи, определяемые предметом доказывания) и тактические задачи криминалистического характера (задачи, обусловленные криминалистической характеристикой преступления и следственной ситуацией) [15. С. 7], не раскрывая их содержания и не давая, следовательно, их отличия. Здесь, несомненно, получила свое отражение тесная связь уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности; вместе с тем предметность каждой из наук требует разграничения соответствующих процессуальных и криминалистических положений.

Давая определение тактической задачи, В.Е. Корноухов пишет, что она есть «...часть процесса расследования, отражающая отношение между ситуацией расследования и тактической целью, определяющая способ действия» [16. С. 244]. Этот подход в общих чертах повторяет взгляд Н.С. Полевого, который понимал тактическую задачу в виде ситуации криминально-правового характера, требующей определенных действий «...по приведению исходной информации об объекте познания к количеству и виду, позволяющим получить новые данные о нем и использовать их для правильного разрешения уголовного дела» [17. С. 176].

Впоследствии В.Е. Корноухов предложил развернутое определение тактической задачи, представив её как «...отношение между совокупностью данных о преступлении, которая возникает при расследовании конкретного преступления, и прогнозируемой целью, определяющей адаптацию типового способа действия к условиям расследования конкретного преступления или

вишнего воинскую часть» [13. С. 167–168]. Между тем доказывание, строящееся с учетом правил работы с косвенными доказательствами, осуществляется в ходе всего предварительного расследования (а затем и в ходе судебного разбирательства), в то время как розыск и задержание указанного лица создают предпосылки для проведения следственных действий с его участием, в ходе которых возможно получение доказательств, в том числе косвенных, его причастности к указанному преступлению. И даже если учесть, что в ходе розыска и задержания военнослужащего происходит собирание, исследование и оценка доказательств его виновности, определенные доказательства из числа полученных будут являться косвенными.

¹ В соответствии с системой криминалистики, предложенной А.А. Эксархопуло, заключительная её часть – криминалистическая стратегия – является самостоятельным элементом, названным наряду с криминалистической методикой [14. С. 108].

разработку эвристического способа познания» [18. С. 97]. На наш взгляд, в таком подходе присутствует попытка дать определение явления через само себя, поскольку часть процесса расследования в её содержательном плане есть не что иное, как следственная ситуация. Опираясь при определении тактической задачи еще и термином «тактическая цель» без объяснения его содержания, указанный автор еще больше усложняет понимание высказанной им научной позиции.

Дальнейшее развитие теории тактических задач, на наш взгляд, должно происходить в направлении более четкого различения тактических задач исследования преступления и тактических задач, обеспечивающих решение задач первого вида. Следует сказать, что в настоящий момент существует научная основа такого различения. Так, А.Ю. Головин пишет, что «...тактическая задача может состоять не только в получении важной для расследования информации, но и в создании условий ее получения» [1. С. 256]¹. Характеризуя связь тактических приемов с тактическими задачами, ряд авторов называют познавательные, управленческие, организационно-технические тактические задачи² расследования: 1) познавательные (установление обстоятельств расследуемого события путем обнаружения и исследования криминалистической информации); 2) управленческие (установление эффективного взаимодействия с участвующими в уголовном деле лицами путем привлечения их к расследованию, налаживания психологического контакта и использования оптимальных форм тактического воздействия и управления их поведением); 3) организационно-технические (обеспечивающие оптимальные внешние условия и необходимые организационно-технические средства деятельности) [6. С. 77; 20. С. 397; 21. С. 468–469].

Данная классификация в целом правильно отражает факт существования особой группы приемов, которые сконструированы для исследования того или иного объекта с целью получения доказательственной информации. Вместе с тем определение этой задачи через понятие «криминалистическая информация» «маскирует» в числе познавательных такую группу тактических задач, которые направлены на получение криминалистически значимой информации в ходе подготовки следственного действия (тактической комбинации, тактической операции). Эта задача по своему характеру тоже является поисково-познавательной, однако изначально она носит подчиненный по отношению к задаче познания преступления характер. Очевидно, что решение второй и третьей групп тактических задач, как их понимают В.Я. Колдин и другие авторы, направлено на создание предпосылок применения тактических приемов исследования объектов, содержащих доказательственную информацию о преступном событии и причастном к нему лице.

¹ В определенной мере высказывание А.Ю. Головина представляет собой развитие взгляда А.В. Дулова на то, что тактические задачи тактических операций нельзя ограничивать только предметом доказывания: необходимо вести речь и о задачах промежуточного характера [19. С. 42].

² Включение в название последней группы тактических задач (и соответственно, тактических приемов) термина «технические», если не видеть в таком названии пример терминологической небрежности, подтверждает наше мнение о том, что технико-криминалистическое действие, сопряженное со способом воздействия на тот или иной объект в ходе производства следственного действия, теряет свое самостоятельное значение, становясь содержанием тактического приема.

Через признак функциональной направленности классифицируются розыскные, исследовательские и организационно-управленческие тактические задачи [1. С. 257–259]. В целом можно согласиться с таким разделением задач, однако, на наш взгляд, следует подчеркнуть сложный, комплексный характер розыскной задачи, поскольку её решение нередко предполагает производство следственных действий, направленных на получение доказательственной информации, в том числе информации о личности преступника¹. Но главное состоит в том, что в числе тактических выделена, хотя и в общем виде, исследовательская задача: о её характере можно будет судить, во-первых, применительно к следственному действию (тактической комбинации, тактической операции), во-вторых, применительно к познанию конкретного фрагмента преступного события и (или) личности преступника, в-третьих, она будет реализовываться при условии решения тактических задач обеспечительного характера, к которым А.Ю. Головин относит розыскные и организационно-управленческие задачи.

Рассмотрение проблемы тактических задач приводит некоторых авторов к классификации тактических задач, в которых наравне с общетактическими выделяются задачи локального уровня. Так, М.А. Лушечкина к общетактическим относит задачи, решаемые в ходе расследования в целом, в ходе производства любого следственного действия (группы следственных действий), а именно: определение места, времени, условий следственного действия, подбор его участников, прогнозирование линии поведения обвиняемого и потерпевшего, целенаправленное воздействие на участников следственного действия, установление с ними психологического контакта, распределение обязанностей между ними, установление психологического контакта с участниками расследования, распределение обязанностей между участниками следственного действия, предупреждение и разрешение конфликтных ситуаций. К числу локальных отнесены задачи конкретного, как пишет названный автор, следственного действия: например, при производстве допроса тактическая задача будет состоять в оказании помощи в припоминании забытого, преодолении установки на отказ от дачи показаний и т.д. [23. С. 84–85]. Можно заметить, что в этом случае как общетактические, так и локальные задачи могут быть разделены на две группы: решение одних приводит к получению доказательственной информации, решение других – к созданию условий для осуществления познания преступления.

В определенной мере такая позиция схожа с точкой зрения тех авторов, которые называют задачи тактических приемов, подразумевая в конечном счете задачи следственного действия. В их числе называются задачи тактических приемов подготовки следственного действия, задачи тактических приемов непосредственного осуществления следственного действия, задачи тактических приемов фиксации хода и результатов следственного действия, задачи тактических приемов оценки полученных результатов [24. С. 32–34].

¹ Неоднозначность характеристики розыскной задачи в немалой степени предопределяется сложностью понимания розыскной деятельности субъекта предварительного расследования. Анализ существующих подходов к определению содержания данного вида тактической деятельности ранее был дан автором [22].

Такая классификация, несомненно, является продуктивной, поскольку позволяет уже в самом начале решения проблемы тактических задач определить более или менее точно группы тактических приемов, позволяющих осуществить их решение¹. Вместе с тем нельзя не учитывать, что из числа тактических задач непосредственного осуществления следственного действия, например допроса, можно выделить как обеспечительную задачу – установление психологического контакта, так и задачу исследования преступного события и личности преступника.

В литературе можно встретить выделение промежуточных задач отдельных тактических приемов: к сожалению, при этом отсутствует указание на своеобразие таких задач, их содержание, виды и характер связи с конечными задачами тактических приемов [6. С. 49].

Иногда называют тактические задачи, которые занимают некоторое среднее место между общетактическими задачами и задачами локального уровня в том понимании, в котором они представлены М.А. Лушечкиной. Такие задачи структурируются применительно к части проводимого следственного действия; отсюда выделяются, например, тактические задачи стадии свободного рассказа, вопросно-ответной стадии и т.д. [26. С. 610–626]. К сожалению, развернутая характеристика указанных тактических задач при этом отсутствует.

В значительной мере пониманию сущности тактической задачи (а значит, и выстраиванию их классификаций) способствует анализ взглядов на задачи тактической комбинации и тактической операции. При этом правильный методологический подход состоит в том, что выделение тактической комбинации и тактической операции строится на различении решаемых следователем задач с помощью указанных тактико-криминалистических средств. Как верно считает А.Ю. Головин, одним из основных признаков, которые могут быть положены в основу отграничения тактических комбинаций и тактических операций, выступает характер задач расследования, на решение которых могут быть направлены рассматриваемые тактические комплексы [2. С. 288].

Правильно отмечая, что при расследовании преступлений следователю постоянно приходится решать самые разнообразные задачи тактического характера, отдельные авторы на основании этого тезиса приходят, как представляется, к спорному мнению о том, что «в каждом конкретном случае это предполагает осуществление самостоятельной тактической операции» [27. С. 124]. Из данного положения следуют два вывода, каждый из которых является спорным: либо тактической задачей нужно считать только задачу, связанную с проведением тактической операции, либо тактическую задачу любой сложности и направленности можно решить лишь путем осуществления тактической операции.

Вместе с тем здесь нельзя не заметить стремления подчеркнуть особую роль тактической операции (комбинации) в решении тактических задач: очевидно, по этой причине тактическая операция рассматривается некоторыми

¹ Отдельные авторы, указывая на необходимость подготовки к установлению психологического контакта с допрашиваемым лицом, по сути дела ведут речь о тактической задаче обеспечения другой обеспечительной тактической задачи, а именно установление психологического контакта, который позволяет решить познавательную тактическую задачу – получение доказательств [25. С. 320–342].

авторами как тактическая задача, под которой понимается основанная на уголовно-процессуальном законе система конкретных следственных и оперативно-розыскных действий, тактических приемов, определенных на конкретном отрезке расследования общей, промежуточной целью [28. С. 106]. Более точным, на наш взгляд, является подход, в соответствии с которым проведение тактической операции предопределено невозможностью решения тех или иных задач путем производства отдельного (одного) следственного действия [19. С. 46–47]. Разделяя в общем эту позицию, необходимо заметить, что само по себе указанное обстоятельство лишь намечает подходы к выяснению сущности тактического комплекса, не сводя её к подчеркиванию более широких тактических возможностей операции (комбинации).

В числе тактических задач тактических операций отмечаются проблемы, различные по своему характеру, а также значению для установления истины по уголовному делу. Так, Л.Я. Драпкин, говоря о направленности тактической операции, указывает на промежуточную задачу расследования, достигаемую путем её проведения [29. С. 138]; о такой задаче тактической операции, как установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, пишет В.И. Шиканов [30. С. 9]; о задачах предотвращения уклонения обвиняемых от следствия и суда, обнаружения разыскиваемых объектов, изучения и устранения условий, способствующих уклонению или укрывательству обвиняемых от следствия и суда, говорит Н.И. Порубов [31. С. 103]; общей задачей криминалистических операций, на взгляд И.М. Комарова, является необходимость повышения «количества и качества уголовно-значимой доказательственной и ориентирующей информации в системах уголовного судопроизводства» [13. С. 93]. Рассматривая вопрос о функциональном предназначении тактических комбинаций, Е.П. Ищенко видит его в решении следующих тактических задач: розыск похищенных вещей, разоблачение инсценировки, изобличение обвиняемого, установление личности неизвестного преступника [32. С. 180]. Помимо указанных, называются также задачи тактических комбинаций и тактических операций, как установление психологического контакта [3. С. 104], ликвидация противодействия со стороны правонарушителя [19. С. 43], формирование у лиц, оказывающих противодействие расследованию, состояния неопределенности, побуждение отдельных из них к совершению необходимых действий [33. С. 17]. Эти и другие задачи комплексных тактических образований, равно как и тактические задачи «просто следственного действия», на наш взгляд, также могут быть подразделены, с одной стороны, на тактические задачи познания преступного события и преступника, а с другой – на тактические задачи обеспечения решения вышеуказанных задач.

Место тактической задачи в системе тактико-криминалистических средств предопределено тем, что она занимает своего рода промежуточное положение между следственной ситуацией, требующей постановки задачи, и тактическим решением, указывающим на необходимые для её реализации операциональные тактические средства (тактические приемы, тактические комбинации и тактические операции). Такая тесная связь тактико-криминалистических средств, призванных оптимизировать аналитическую деятельность субъекта предварительного расследования, позволяет исследовать каждый из

названных элементов в контексте его взаимосвязи с двумя другими элементами. Исходя из того, что тактическое решение указывает на необходимость и возможность решения тактической задачи, которая, в свою очередь, предопределена следственной ситуацией, о тактическом решении, на наш взгляд, следует говорить в двух контекстах: в контексте следственной ситуации и в контексте тактической задачи. В первом случае решение предопределено динамическим характером следственной ситуации, необходимостью её оптимизации как вектора предварительного расследования. При этом контекст следственной ситуации позволяет одновременно рассматривать следственную ситуацию как исходные параметры тактической деятельности и её более оптимальную характеристику через определение тактических задач, получающих выражение в тактическом решении [9. С. 21–22]. «Процесс принятия решения, – пишет Т.С. Волчецкая, – начинается с возникновения проблемной ситуации и заканчивается выбором решения – действия, которое должно преобразовать проблемную ситуацию» [9. С. 30]. Учитывая данный контекст, многие авторы рассматривают тактическое решение как рефлексию, получающую свое выражение в следующем алгоритме: оценка сложившейся ситуации – определение тактической задачи – выбор приемов и средств её решения [9. С. 30–31].

Процесс принятия тактического решения в указанном контексте, как нам видится, может быть уточнен и представлен в виде следующей логической схемы: анализ следственной ситуации – постановка тактической задачи¹ – создание, при необходимости, соответствующих предпосылок для применения тех или иных операциональных тактических средств – формулирование вывода о применении наиболее целесообразных тактико-криминалистических средств (в том числе вариантов указанных средств). Оптимальность реализованного тактического решения будет определяться оценкой (анализом) преобразованной следственной ситуации.

Что касается контекста тактической задачи, то модель тактического решения может рассматриваться несколько иначе: постановка тактической задачи – анализ следственной ситуации для оценки имеющихся в распоряжении субъекта предварительного расследования средств её решения – создание, при необходимости, дополнительных предпосылок для применения тех или иных тактико-криминалистических средств исследования преступления – принятие решения о применении наиболее целесообразных тактико-криминалистических средств. Если в первом контексте объектом тактического решения следственная ситуация выступает непосредственно, то во втором случае – опосредованно: здесь непосредственным объектом тактического решения выступает тактическая задача. Если в первом случае тактическое решение идет от вопроса: какая тактическая задача наиболее успешно может быть решена в условиях сложившейся следственной ситуации? то во втором – от вопроса: имеются ли в сложившейся следственной ситуации предпосылки постановки и решения необходимой (поставленной) тактической задачи, способной сделать следственную ситуацию более оптимальной? Пред-

¹ Высказанное отдельными авторами мнение о том, что способы достижения той или иной тактической задачи входят в её содержание [6. С. 43], является, на наш взгляд, спорным.

ставляется, что наибольшее свое значение выделение указанных контекстов тактического решения имеет тогда, когда мы говорим о тактической задаче получения доказательственной информации.

И в том, и в другом случае следует различать тактическое решение как мыслительный процесс [32. С. 176] и тактическое решение как результат указанного процесса [1. С. 254; 20. С. 398]. При этом нельзя не видеть, что во многих случаях последовательность конструирования тактических задач и их решения задаются требованиями уголовно-процессуального кодекса, определяемыми, в свою очередь, логикой расследования преступления. Так, например, экспертное исследование орудия преступления невозможно без его отыскания; очной ставке, проверке показаний на месте, следственному эксперименту должен предшествовать допрос и т.п.

Вместе с тем с точки зрения тактической задачи, связанной с исследованием элементов криминалистической характеристики преступления, трудно представить ситуацию, когда выяснению и анализу, например, механизма преступления должны предшествовать выяснение и анализ способа совершения преступления, личности преступника, обстановки преступления, либо когда исследованию личности преступника должно предшествовать изучение обстановки преступления и т.д. Отсюда важным является вывод о том, что должен быть такой конструкт, который бы отражал многовариантность одновременного познания самых различных сторон преступления во всем многообразии связей его элементов.

На наш взгляд, при характеристике тактической задачи следует исходить из нескольких обстоятельств. Во-первых, необходимо учитывать тесную связь тактической деятельности с уголовно-процессуальной деятельностью, что находит отражение в объективировании результатов криминалистической деятельности в протоколе следственного действия. Во-вторых, решение тактической задачи осуществляется в конечном счете путем применения тактических приемов, а не уголовно-процессуальных средств, например избранием меры пресечения; при этом очевидно, что понимание тем или иным автором тактической задачи во многом будет зависеть от его взгляда на природу тактических приемов, в частности на возможность видеть в их числе отдельные уголовно-процессуальные правила¹. В-третьих, о тактической задаче можно говорить в том случае, когда достижение познавательного результата предполагает проведение следственного действия: можно, разумеется, говорить о тактической задаче реализации негласно проводимого мероприятия, но это уже будет оперативно-розыскная задача. В-четвертых, круг тактических задач следует ограничивать задачами тактических операций: лишь при таком условии они не «перетекают» в разряд методико-криминалистических задач.

При этом о тактической задаче следует говорить в контексте применения операциональных тактико-криминалистических средств, важнейшим видом которых являются тактические средства исследования преступления. Объективированное выражение для тех или иных участников следственного дейст-

¹ В последнем случае в числе тактических задач называются такие, например, как возбуждение уголовного дела, привлечение лица к уголовной ответственности, избрание меры пресечения [2. С. 343–344].

вия названных средств, которым должны быть присущи такие свойства, как научность, законность и этичность, предопределяет необходимость представлять тактическую задачу также в объективированном виде. Такую возможность дает протокол следственного действия: его выполнение сразу же позволяет отдельным участникам следственного действия сделать замечания, касающиеся полноты и объективности отражения его хода и результатов, обжаловать действия (бездействия) и решения субъекта предварительного расследования.

Учет различий следственных ситуаций позволяет провести деление тактических задач на общие и частные и при этом отграничить их от задач, принимающих характер своего рода генерализированных тактических задач, смыкающихся с методическими задачами, пути и формы решения которых с помощью криминалистических средств надлежит рассматривать в разделе криминалистической методики.

Общая тактическая задача заключается в получении доказательственной информации, касающейся тех или иных обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ). Её объектом является общая следственная ситуация как сложившееся в ходе расследования положение, характеризующееся доказанностью события преступления и виновной причастности к нему конкретного лица: в конечном счете разрешение общей тактической задачи получает свое выражение в оптимизации следственной ситуации, послужившей основанием для постановки и решения данной задачи¹. Термин «общая» подчеркивает необходимость рассмотрения иных видов следственных ситуаций и иных видов тактических задач с позиции получения в конечном счете доказательственной информации. Общая тактическая задача решается в ходе проведения следственного действия, в том числе оформленного в виде тактической комбинации либо включенного в неё наравне с другими следственными действиями, а также являющегося элементом тактической операции, путем применения тактических приемов непосредственного воздействия на объекты, содержащие (предположительно) доказательственную информацию.

Общая тактическая задача может быть подразделена на задачи познания способа подготовки преступления, способа совершения преступления (за исключением неосторожных преступлений), способа сокрытия преступления, механизма преступления, личности преступника, личности потерпевшего, обстановки совершения преступления, в некоторых случаях – предмета преступного посягательства и других обстоятельств, принимающих значение элемента криминалистической характеристики преступления как основы частной криминалистической методики. С учетом этого тактические задачи следственного действия именуются как получение доказательств, их проверка и т.д. [34. С. 584–585].

Частная (обеспечительная) тактическая задача направлена на оптимизацию частных следственных ситуаций, получающих свое выражение в существовании таких обстоятельств, как противодействие расследованию со стороны подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, иных заинтересованных

¹ О теоретическом и практическом значении разделения следственной ситуации на общую и частную см.: [34. С. 462–467].

лиц, связанное с воздействием на носителей криминалистически значимой информации; отказ подозреваемого, обвиняемого, подсудимого давать показания; отказ свидетелей и потерпевших давать показания либо дача ими ложных показаний; отсутствие должного взаимодействия между следователем и иными участниками следственного действия, тактической комбинации и тактической операции; занятие единой позиции группой обвиняемых (организованной преступной группой); отказ подозреваемого, обвиняемого и подсудимого дать образцы почерка и т.д.

В свою очередь, частные тактические задачи, на наш взгляд, могут быть подразделены на организационно-обеспечительные и познавательно-обеспечительные.

Прежде чем дать им характеристику, необходимо отметить, что обеспечительные задачи у некоторых авторов носят иное название, например «организационно-управленческие задачи», однако главное их назначение состоит в создании благоприятных условий для решения исследовательских задач, которые отражают необходимость получения криминалистически значимой информации [2. С. 339]. Рассматривая вопросы организационно-тактических основ деятельности субъекта предварительного расследования, О.В. Полстовалов видит необходимость разделения тактических приемов на познавательные и организационно-обеспечивающие: реализация первых предполагает получение криминалистически значимой информации, задачей вторых является создание необходимых условий для функционирования первых [25. С. 459–460]. Такой в целом правильный подход тем не менее требует уточнения. Оно связано с тем, что в понимании указанного автора обеспечение процесса расследования есть задача создания необходимых условий для точного ориентира расследования, эффективного выбора стиля руководства, распределения компетенций в рамках работы следственных групп среди конкретных участников уголовного преследования и их наилучшего взаимодействия [25. С. 464].

Однако определение «криминалистически значимая информация» не позволяет выделить тактические задачи подготовки следственного действия, решение которых нередко требует познания (в терминологии А.Ю. Головина – исследования), например, психологических свойств будущего допрашиваемого, места проведения готовящегося обыска, связей проживающих в нем лиц, и тактические задачи исследования объектов, потенциально содержащих доказательственную информацию; соответственно, и решение тактической задачи подготовки следственного действия требует тактических приемов, имеющих познавательную направленность. Что касается выделения группы тактических приемов, направленных на решение задачи надлежащего взаимодействия субъекта предварительного расследования с определенной группой участников уголовного судопроизводства (специалист, эксперт, потерпевший и др.), а также с должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, то они, бесспорно, имеют обеспечительное назначение, хотя и носят отличительный характер. Организационно-обеспечительными (своего рода постобеспечительными) будут, на наш взгляд, являться также тактические задачи фиксации хода и результатов следственного действия, которым корреспондируют называемые многими

авторами соответствующие тактические приемы [2. С. 284; 35. С. 120; 36. С. 108; 37. С. 304–311; 38. С. 178].

Таким образом, наше понимание и классификация общих и частных тактических задач и понимание исследовательских (познавательных) и организационно-управленческих (организационно-обеспечивающих) тактических задач А.Ю. Головиным, О.В. Полстоваловым и другими авторами различаются не только терминологически, но и содержательно.

Предлагая термин «познавательно-обеспечительная тактическая задача» и видя его несколько условный характер, мы исходим из неоднородности криминалистической деятельности субъекта предварительного расследования, что находит свое выражение в разнохарактерности получаемой и необходимой информации: одна часть её представлена как доказательственная, другая – как ориентирующая информация. Как отмечают отдельные авторы, говорить о познании как цели расследования можно лишь с определенной долей условности, поскольку расследование представляет собой познание «не для себя», а познание «для других», т.е. доказывание [39. С. 19]. В определенной мере это объясняется тем, что в криминалистике деятельность субъекта предварительного расследования как поисково-познавательную стали рассматривать сравнительно недавно.

На взгляд В.К. Гавло и Д.В. Кима, «...поисково-познавательная деятельность субъектов доказывания представляет собой одну из подсистем (блоков) в информационно-познавательной системе, именуемой в методике расследования преступлений криминалистической характеристикой расследования»; другую подсистему методики расследования представляет криминалистическая характеристика преступления, которая является второй информационно-познавательной подсистемой [40. С. 98]. Очевидно, из приведенного высказывания можно сделать вывод о некоем соотношении информационно-познавательных систем: соответственно, при расследовании преступлений одна из них, в виде криминалистической характеристики преступления, должна быть представлена доказательственной информацией. И в этом случае можно вести речь о задаче исследования преступления, т.е. познании «для других», прежде всего тех, кто имеет процессуальные полномочия, давать оценку полноты, достоверности и объективности предварительного расследования в целом или на отдельном его этапе.

Рассуждая о соотношении понятий «предмет познания» и «предмет доказывания», отдельные ученые-процессуалисты отмечают продуктивность категории познания, которой оперируют представители криминалистической науки, и возможность использования отдельных её положений в уголовно-процессуальной науке. Доказать что-либо, отмечают они, означает не только познать, но и убедиться в достоверности полученного результата, «убедить в правильности своих выводов иных лиц» [41. С. 24]. В этом смысле, исходя из того, что следственное действие является формой реализации тактических средств исследования преступления, направленных на получение доказательственной информации, можно вести речь о тактических (криминалистических) задачах следственного действия, которые носят общий характер: получение доказательственной информации, касающейся прежде всего события преступления, личности обвиняемого, а также проверка указанной информации.

Осуществляя дальнейшую классификацию, на наш взгляд, следует выделять организационно-обеспечительные тактические задачи, решаемые в ходе подготовки следственного действия, а также подготовки тактической комбинации и тактической операции (например, тактическая задача определения круга их участников, тактическая задача предотвращения утечки информации о готовящейся тактической комбинации), и организационно-обеспечительные задачи, решаемые в процессе производства следственного действия, тактической комбинации и тактической операции (например, задача поддержания надлежащего уровня взаимодействия между участниками следственного действия, в том числе психологического контакта, маневрирование силами в ходе производства тактической операции, координация действий участников тактической комбинации).

Познавательно-обеспечительные тактические задачи также могут быть разделены на познавательно-обеспечительные задачи, решаемые в ходе подготовки следственного действия, тактической комбинации и тактической операции, и познавательно-обеспечительные задачи, решаемые в ходе производства следственного действия, тактической комбинации и тактической операции. Примером первых являются задачи: изучение (познания) личностных свойств обвиняемого, в отношении которого планируется производство допроса; познание в ходе подготовки к проведению тактической комбинации «Параллельный обыск» свойств лиц, у которых будет осуществлен одновременный обыск; познание особенностей места производства обысков; познание степени изменения обстановки места происшествия, в которой готовится проведение следственного эксперимента, и т.д. Примером вторых являются следующие тактические задачи: изучение (продолжение изучения) личности обвиняемого на вступительной стадии допроса, в ходе самого допроса через анализ его реакций на те или иные вопросы и предъявленные доказательства; распознавание признаков лжи допрашиваемого лица; познание психологических реакций обыскиваемого лица на действия следователя.

Все обеспечительные тактические задачи объединяет то обстоятельство, что они создают условия для решения общей тактической задачи – получение доказательственной информации о том или ином элементе криминалистической характеристики преступления и преступления в целом. Очевидно, что обеспечительная тактическая задача не может быть представлена как конечная задача тактической деятельности, осуществляемой в ходе производства следственного действия. На справедливость данного тезиса указывает тот факт, что в доступной нам литературе отсутствуют рассуждения о том, что единственной задачей производства следственного действия является, например, защита имеющейся информации¹, дезинформация обвиняемого² и

¹ Так, в монографическом исследовании проблем защиты доказательственной информации при описании соответствующей тактической операции в качестве примера дан допрос потерпевшего и свидетеля под псевдонимом [42. С. 210–222]. Представляется, что задачей такого допроса является получение доказательств в специальной процессуальной форме, учитывающей безопасность указанных лиц.

² Так, например, в специальной работе, посвященной проблемам дезинформирования при производстве предварительного расследования, все примеры дезинформирования даны применительно к оперативно-розыскным мероприятиям, и лишь в одном случае – относительно производства допроса,

т.п. Анализ норм УПК РФ подтверждает наше мнение: так, например, производство проверки показаний на месте может быть представлено как реализация задачи по защите доказательственной информации. Вместе с тем норма ст. 194 УПК РФ говорит прежде всего об установлении новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Если в первом случае о тактическом воздействии можно говорить в широком смысле слова, то во втором – лишь как о содержании тактических приемов, непосредственно направленных на объекты с целью извлечения содержащейся в них доказательственной информации. С учетом многообразия подходов к определению информации мы полагаем возможным в целях характеристики поисково-познавательной деятельности следователя и некоторых иных субъектов уголовного судопроизводства согласиться с подходом, в соответствии с которым под информацией следует понимать данные, которые отличают объект познания и могут быть выделены познающим субъектом в том или ином отображении указанного объекта [44. С. 31–40; 45. С. 53].

Таким образом, более или менее строгая классификация тактических задач может быть осуществлена лишь на основе структуризации следственной ситуации предварительного расследования, в зависимости от вида следственной ситуации, требующей её оптимизации путем принятия тактического решения и задействования в конечном счете соответствующих операциональных тактических средств. В практическом плане она представляет субъекту предварительного расследования строгий алгоритм его тактики в ходе подготовки, проведения следственного действия и фиксации хода и полученных результатов.

Нельзя не сказать и том, что наше понимание операциональных тактических средств отличается от пониманий их другими авторами. Это связано с тем, что операциональные средства рассматриваются нами как часть тактико-криминалистических средств; эту часть представляют тактический прием, тактическая комбинация и тактическая операция. Другую её часть составляют аналитические тактико-криминалистические средства, представленные категориями следственной ситуации, криминалистической характеристики преступления, следственной версии, тактической задачи и тактического решения. Отсюда операциональные тактические средства (как обеспечительные, так и исследовательские, позволяющие получить доказательственную информацию) непосредственно связаны лишь с тактической задачей и тактическим решением. Для сравнения можно назвать точку зрения, в соответствии с которой различаются тактические приемы обеспечительного характера, в числе которых называются две группы приемов: правильной организации расследования уголовного дела и версия. Операциональные же тактические приемы, являясь поведенческими, призваны преодолеть прямое, непосредственное и осознанное противодействие расследованию [26. С. 450–451].

Предложенная нами классификация позволит оценить точность сложных классификаций тактических задач, даваемых отдельными авторами. Так, например, задачи осмотра места происшествия подразделяются на общие (вы-

где речь идет о введении в заблуждение допрашиваемого с целью получения правдивых показаний, в том числе путем использования музыкального и запахового фонов [43. С. 117–161].

яснение обстановки места происшествия, обнаружение следов преступлений, выяснение иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела), частные, разрешаемые в ходе осмотра места происшествия при расследовании отдельных категорий преступлений (совершено ли убийство там, где обнаружен труп потерпевшего), а также на конкретные тактические задачи, разрешаемые при осмотре места происшествия по расследуемому преступлению, которые, к сожалению, не называются [46. С. 35]. Представляется, что указанная выше частная тактическая задача есть не что иное, как общая задача выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела.

Таким образом, под тактической задачей в досудебном производстве следует понимать проблему оптимизации следственной ситуации, обусловленную логикой поисково-познавательной деятельности субъекта предварительного расследования, представленную в виде объективированного результата, требующую для своего разрешения применения соответствующих операциональных тактико-криминалистических средств¹. В даваемом нами определении указание на операциональные тактико-криминалистические средства подчеркивает связь тактической задачи с тактическим решением, а указание на ожидаемый конкретный результат наполняет тактическую задачу специфическим содержанием.

На основе сформулированного определения тактической задачи соответственно могут быть даны определения основной и частной (обеспечительной) тактических задач. Так, под общей тактической задачей в досудебном производстве необходимо видеть проблему оптимизации общей следственной ситуации, обусловленную логикой познания преступления, представленную в виде доказательственной информации об отдельных его элементах, требующую для своего разрешения применения тактических средств исследования преступления.

На наш взгляд, предлагаемый здесь подход к пониманию сущности тактической задачи в досудебном производстве является основой для исследования проблем тактических задач в судебном разбирательстве, актуальность познания которых становится в настоящий момент очевидной [47. С. 715–720; 48. С. 184–192; 49. С. 22; 50. С. 4–5]. В судебном разбирательстве, как и на стадии предварительного расследования, строгая классификация тактических задач возможна лишь на основе системной взаимосвязи определенного вида тактических задач и вида судебно-следственной ситуации, требующей её оптимизации путем принятия соответствующих тактических решений и применения операциональных тактических средств определенного вида.

Чаще же всего в работах, посвященных проблемам тактико-криминалистического обеспечения судебного разбирательства, обращение к вопросам тактических задач ограничивается их названием. Так, например, А.Ю. Корчагин отмечает, что общие тактические задачи государственного обвинителя состоят в эффективном исследовании представленных доказательств, в стремлении к созданию условий для всестороннего, объективного и полного

¹ Отдельные авторы, в целом правильно показывая результативное начало тактической задачи, деятельность её часть связывают со средствами расследования, не указывая на тактическую природу этих средств [6. С. 43].

исследования доказательств, в своевременном выявлении и тактически грамотной нейтрализации попыток ложного опровержения, фальсификации, подмены доказательств, в восполнении в суде неполноты предварительного расследования, в противодействии попыткам подсудимого уйти от уголовной ответственности [50. С. 133]. Такие формулировки тактических задач объективно требуют их дальнейшей структуризации, раскрытия их содержания.

Небезынтересным представляется рассмотрение вопроса о соотношении тактико-криминалистических и технико-криминалистических задач. «Решение тактико-криминалистических задач в процессе расследования, – пишет В.А. Волинский, – базируется в основном на мыслительной деятельности работника органа дознания или следователя, а нацелено оно в основном на доказывание, на получение доказательств. В то же время ситуативные технико-криминалистические задачи решаются, как правило, с помощью средств и методов криминалистической техники, зачастую специалистами, а получаемые с их помощью результаты лишь способствуют (обеспечивают) получению доказательств» [24. С. 31]. Здесь В.А. Волинский, по сути, затрагивает один из проблемных вопросов, а именно: о сложном характере взаимосвязи криминалистической техники и тактики и многообразии проявлений такой взаимосвязи. Частным положением выступает вопрос о характере взаимосвязи технико-криминалистического и тактико-криминалистического приемов: анализ многочисленных работ [26. С. 57, 77; 51. С. 55; 52. С. 346–347; 53. С. 59–65] позволяет прийти к выводу о том, что способ действия следователя, включающего операции с технико-криминалистическим средством, есть часть единого криминалистического образования, выступающего как тактический прием.

Вместе с тем, исходя из предметной направленности криминалистики, необходимо выделять конструкт, отражающий механизм познания преступления субъектом предварительного расследования «для себя». Таким конструктом, на наш взгляд, должны быть тактико-криминалистические цели, позволяющие структурировать мыслительную деятельность названного субъекта, делая её целенаправленной. Если тактико-криминалистические задачи отражают внешнюю сторону познавательной деятельности субъекта предварительного расследования, то тактико-криминалистические цели – внутреннюю, позволяющую увидеть многообразную по своим моделям аналитическую деятельность должностного лица. Тактико-криминалистические цели отражают необходимость познания сущностной стороны преступления в ходе производства следственного действия, в то время как общие тактико-криминалистические задачи позволяют говорить о явлении этой сущности, получающей свое объективированное изложение в протоколе следственного действия. Нужно исходить из того, что между криминалистическими целями следственного действия и его криминалистическими задачами нет соотношения «включенности» одного понятия в другое. Криминалистические цели следственного действия получают выражение в необходимости познания причинно-следственных и иных связей между элементами криминалистической характеристики расследуемого преступления определенного вида, например криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом совершения преступления и личностью преступника.

Таким образом, тактико-криминалистические задачи реализуются через тактико-криминалистические средства операционального характера, в то время как тактико-криминалистические цели («познание для себя») реализуются посредством оперирования тактико-криминалистическими средствами аналитического характера, в частности через криминалистическую характеристику преступления.

Литература

1. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика / Под общ. ред. проф. Н.П. Яблокова. М., 2002. 335 с.
2. Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Тула, 2002. 460 с.
3. Комиссаров В.И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. Саратов, 2009. 192 с.
4. Крестовников О.А. Основы криминалистической тактики // Криминалистика: информационные технологии доказывания: Учебник для вузов / Под ред. В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. С. 449-484.
5. Дранкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 168 с.
6. Чебуренков А.А. Основы теории расследования. М.: Юрлитинформ, 2010. 176 с.
7. Шиканов В.И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения: Материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976. С. 155–159.
8. Белкин Р.С. Перспективы исследования проблемы следственной ситуации // Следственные ситуации: Сб. науч. тр. М., 1985. С. 3–6.
9. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 395 с.
10. Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: Курс лекций. М.: Издательский дом «Камерон», 2006. 400 с.
11. Пугачева А.В. Тактико-криминалистические особенности деятельности адвоката – представителя потерпевшего в досудебных стадиях уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 21 с.
12. Цетров Е.Е. Тактическая задача «Доказывание виновности (невиновности) обвиняемого» // Курс криминалистики. Особенная часть. Т. 1: Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / Отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2001. С. 403–405.
13. Комаров И.М. Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2003. 437 с.
14. Эксархопуло А.А. Предмет и система криминалистики: проблемы развития на рубеже XX–XXI веков. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. 112 с.
15. Князев В.А. Проблемы тактических операций в методике расследования хищений государственного и общественного имущества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1986. 22 с.
16. Корноухов В.Е. Характеристика объективной структуры следственной задачи // Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2000. С. 239–245.
17. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика (Теория информационных процессов и систем в криминалистике): Учеб. пособие. М., 1982. 207 с.
18. Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М.: Норма, 2008. 224 с.
19. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Изд-во БГУ, 1979. 128 с.
20. Колдин В.Я. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 395-402.

21. *Крестовников О.А.* Логико-информационная структура и система следственных действий, приемов, операций // Криминалистика: информационные технологии доказывания: Учебник для вузов / Под ред. В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. С. 468–469.
22. *Князьков А.С.* Некоторые вопросы розыскной деятельности следователя // Современное состояние и проблемы развития российского законодательства: Материалы науч. конф. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского гос. ун-та, 2010. С. 167–172.
23. *Лушечкина М.А.* Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 216 с.
24. *Вольнский В.А.* Технично-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М., 1994. 80 с.
25. *Полстовалов О.В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: Дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2009. 642 с.
26. *Эксархопуло А.А.* Криминалистика: Учебник. СПб., 2009. 904 с.
27. *Образцов В.А., Протасевич А.А.* О теории тактических операций и ее связях с другими структурными элементами науки криминалистики // Оптимизация расследования преступлений: Сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 123–127.
28. *Величкин С.А.* О соотношении понятий «тактический прием», «тактическая задача», «тактическая операция (комбинация)» // Проблемы укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве: Межвуз. сб. / Отв. ред. Е.Н. Тихонов. Барнаул, 1985. С. 104–110.
29. *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 168 с.
30. *Шиканов В.И.* Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск: Иркут. ун-т, 1983. 200 с.
31. *Порубов Н.И., Андреев И.С., Грамович Г.И.* Общие положения криминалистической тактики. Криминалистика: Учеб. пособие / Под ред. Н.И. Порубова. Минск, 1997. С. 97–105.
32. *Ищенко Е.П.* Криминалистика: Курс лекций. М., 2008. 411 с.
33. *Гмырко В.П.* Деятельность следователя в условиях информационной неопределенности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 21 с.
34. *Князьков А.С.* Криминалистика: Курс лекций / Под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
35. *Митюшкин Ю.И., Беляков А.А.* Расследование краж, совершаемых на садовых, огородных и дачных участках. М.: Юрлитинформ, 2010. 176 с.
36. *Торбин Ю.Г.* Теория и практика освидетельствования. СПб.: Питер, 2004. 176 с.
37. *Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н.* Тактика проверки показаний на месте // Криминалистика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. С. 304–311.
38. *Россинская Е.Р.* Криминалистика: Курс лекций. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 384 с.
39. *Лозовский Д.Н.* Криминалистическое учение о методах расследования преступлений и его реализация в практике борьбы с организованной преступной деятельностью: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. 55 с.
40. *Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В.* Криминалистическая характеристика преступлений как направление познания и систематизации криминалистически значимой информации о преступной деятельности, необходимой для решения криминалистических задач в складывающихся судебно-следственных ситуациях // Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты / Под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 97–137.
41. *Володина Л.М.* Предмет доказывания и предмет познания по уголовному делу // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2011. Вып. 3 (39). С. 22–25.
42. *Баев О.Я.* Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения). М.: Юрлитинформ, 2010. 432 с.
43. *Образцов В.А., Бертовский Л.В., Бертовская Н.Л.* Дезинформирование в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. М.: Юрлитинформ, 2010. 240 с.
44. *Колдин В.Я., Полевой Н.* Информационные процессы и структуры в криминалистике. М.: Изд-во МГУ, 1985. 134 с.
45. *Усманов Р.А.* Теория и практика использования криминалистической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений. Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2006. 232 с.

46. *Мамонов В.С., Степанов В.В.* Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения. М.: Юрлитинформ, 2010. 184 с.

47. *Гавло В.К.* О дальнейшем совершенствовании тактики и методики судебного разбирательства уголовных дел // Гавло В.К. Избранные труды. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 715–720.

48. *Гавло В.К., Хорошева А.Е.* Судебные ситуации по уголовным делам об убийстве и их разрешение в суде присяжных // Российский юридический журнал. 2011. № 1 (76). С. 184–192.

49. *Неймарк М.А.* Проблемы теории и практики расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2006. 26 с.

50. *Корчагин А.Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: Дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. 355 с.

51. *Ищенко Е.П.* Тактический прием и место научно-технических средств в его структуре // Теоретические проблемы криминалистической тактики: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. С. 48–55.

52. *Образцов В.А.* Тактический прием как средство познания // Криминалистика: Учебник / Под ред. В.А. Образцова. М., 2002. С. 345–354.

53. *Садыхов Л.Р.* Тактические особенности работы с запахowymi следами человека // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2010. Вып. 1 (33). С. 59–65.